

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

ПОЛЕ БИТВЫ — СЕРДЦА ЛЮДЕЙ

Беседовал писатель Игорь Шумейко

Творчество самого известного русского писателя Валентина Григорьевича Распутина как нельзя лучше подтверждает слова Ломоносова о том, что “российское могущество прирастать будет Сибирью”. И русский созидательный дух, и русская совесть, и русское философское постижение жизни — всё это “прирастает” книгами, трудами великого сибиряка, с которым мне выпадала удача неоднократно беседовать.

Игорь ШУМЕЙКО: То, что русский писатель Валентин Григорьевич Распутин начинал свой творческий путь как журналист в сибирских газетах, — известный факт. Однако поступали Вы на историко-филологический факультет Иркутского университета с намерением стать учителем.

Валентин РАСПУТИН: Даже практику на старших курсах проходил — преподавал литературу в иркутской школе. Но примерно тогда же я стал внештатным корреспондентом молодёжной газеты. И вот журналистика увлекла. Тот период — строительство магистрали Абакан–Тайшет, гидроэлектростанций, заводов Иркутска, Братска — будоражил общество, ставил столько острых вопросов...

И. Ш.: Ваши очерки сразу же вызвали огромный интерес, многократно перепечатывались: “Костровые новых городов”, “Продаётся медвежья шкура”, “Край возле самого неба”. А вслед за очерками пошли и рассказы, сборники рассказов, повести “Деньги для Марии”, “Последний срок”, “Живи и помни”. Вас отметили первой Государственной премией СССР. Ну а повесть “Прощание с Матёрой” сделала Вас всенародно любимым и всемирно известным русским писателем. В то же время внимание к школе, российскому образованию вообще остаётся важной струной Вашей жизни.

В. Р.: Мне много пишут учителя, благодаря чему я хорошо представляю ситуацию в нашей школе — вплоть до самых современных тенденций и печалей. Самыми благородными могу назвать сегодня усилия учителей Тайшета, Красноярска, Московской области, которые, несмотря на все директивы, разнарядки Министерства образования, на свой страх и риск ведут дополнительные уроки по русскому языку, литературе, позволяя своим ученикам продолжать расти гражданами, культурными людьми.

ШУМЕЙКО Игорь Николаевич родился в 1957 году. Кибернетик по образованию. Автор рассказов, очерков, стихов в центральных литературных журналах.

И. Ш.: Что лучшее из советского образования Вы бы взяли в сегодняшний день?

В. Р.: Многое. Мне ближе гуманитарные предметы, и могу твёрдо сказать, что литература, письменность, история преподавались у нас на прекрасном уровне. Взять то же заучивание наизусть — достойных, конечно, произведений, — ведь это и тренировка памяти, и пополнение багажа знаний, и развитие души, когда этот текст начинает жить в тебе...

И. Ш.: Мы видим, что эта традиция классического образования подтверждается несколькими столетиями мировой педагогической практики. В Царском Селе, Итоне, Оксфорде наизусть заучивались огромные фрагменты, в том числе на “мёртвых” языках. Валентин Григорьевич, расскажите о своей школе.

В. Р.: Я с благодарностью и не иначе как чудо вспоминаю свою школу. В маленькой деревне учеников было 15 человек — первый, второй, третий и четвёртый классы. Только какие там классы! Одна комната, правда, просторная, и занятия вёл один учитель, обращаясь по очереди к каждому. Я, например, до школы читать не умел, но быстро втянулся в такой ритм и стиль учёбы. Это же радость, когда ты отвечаешь и свой урок, и потом можешь что-то сказать по уроку, который проходят старшие. Постоянный интерес, не сухая, не сонная атмосфера в классе.

И. Ш.: Ну а после начальной школы Вы переехали в школу-интернат, похожий на тот самый из рассказа “Уроки французского”. А прообраз той учительницы, Лидии Михайловны...

В. Р.: С нею вышла интересная история. В 1973 году, когда выходил рассказ, я не знал, где она живёт. А накануне публикации “Уроки французского” были как раз сороковины (сороковой день после смерти) моего земляка и большого друга Александра Валентиновича Вампилова, который, кстати, сам из учительской семьи. И рассказ я посвятил его матери, светлой женщине Анастасии Прокопьевне Копыловой-Вампиловой. А потом, когда рассказ перевели и издали, в том числе во Франции, эту книгу в магазине увидела и сама Лидия Михайловна. Так вышло, что она жила уже во Франции и совершенно не знала, что её бывший ученик стал писателем, выпустил рассказ о ней. Прочитав его тогда, она и написала мне.

И. Ш.: Да... “Уроки французского”... на французском. Тут прямо второй рассказ. Знаю от нескольких педагогов: ваша Лидия Михайловна в галерее тех образов, что помогают помнить о достоинстве русского учителя — в любые времена. Теперь вопрос о том, что сегодня порой подменяет Учителя. Телевидение, интернет...

В. Р.: Я странный человек — изначально не люблю телевидение. Даже когда оно было ещё “приличным”. “Доставка на дом” всего и вся меня не устраивает. Спектакль нужно смотреть в театре, книгу обсуждать с друзьями, на футбол ходить на стадион. Сидеть несколько часов подряд, уставившись в светящийся угол, и потреблять то, что на тебя вываливают, — это неестественно и как-то глупо. Можно было с самого начала не сомневаться, что огромные возможности телевидения будут использованы во вред человеку. Как есть женщины, не способные к постоянству, так есть и искусства, придуманные в недобрый час, предрасположенные к уродству. А сегодняшнее российское телевидение — самое грязное и преступное в мире. Я его перестал смотреть, разве что изредка новости, и участвовать в нём желания не испытываю... Там — “свой”. Одержимые одной задачей, составляющие один “батальон” лжи и разврата.

“Дьявол с Богом борются, и поле битвы — сердца людей”, — эти слова Достоевского будут вечным эпитафием к человеческой жизни. В каждом человеке сидят два существа: одно низменное, животное и второе — возвышенное, духовное. И человек есть тот из двух, кому он отдаётся. Да, многие привыкли к той телевизионной “жвачке”, которой пичкают их с утра до вечера, многим она нравится. И боевики со стрельбой и кровью, и Содом в обнимку с Гоморрой, и пошлость Жванецкого с Хазановым, и эпатажи Пугачёвой, и “Поле чудес”, и прочее-запрочее. Ну что же — на то и сети, чтобы ловить наивные души. Одно можно сказать: жалко их, сидящих то ли на крючке, то ли на игле.

И. Ш.: А к другой сети — интернету — как Вы относитесь?

В. Р.: Плохо. Потому что в сети не прочтёшь “Войну и мир”, нет там места и другим серьёзным произведениям. Не хочу никого наставлять, но нужно остерегаться того, что может вымазать изнутри.

Нас потихоньку начинают встраивать в глобалистический порядок. Молодёжь не случайно бунтует против него в Европе. Это бунт против выравнивания, когда сущность каждого народа уничтожается, разрушаются все его культурные особенности.

И. Ш.: Ваше писательское кредо?

В. Р.: Я понимаю себя и всегда понимал всё-таки как писателя русского. Советское имеет две характеристики – идеологическую и историческую. Была Петровская эпоха, была Николаевская, и люди, жившие в них, естественно, были представителями этих эпох. Никому из них и в голову не могло прийти отказываться от своей эпохи. Точно так же и мы, жившие и творившие в советское время, считались писателями советского периода. Но идеологически русский писатель, как правило, стоял на позиции возвращения национальной и исторической России, если уж он совсем не был зашорен партийно. Литература в советское время, думаю, без всякого преувеличения, могла считаться лучшей в мире. Но она потому и была лучшей, что для преодоления идеологического теснения ей приходилось предъявлять всю художественную мощь вместе с духоподъёмной силой возрождающегося национального бытия. Литературе, как и всякой жизненной силе, чтобы быть яркой, мускулистой, требуется сопротивление материала.

И. Ш.: Ваш взгляд на литературу сегодняшнюю.

В. Р.: Сверхбыстрый и глубокий сброс интереса к книге говорит о неестественности этого явления, о каком-то словно бы испуге перед книгой. Именно этот испуг и нужно считать одной из причин резкого падения числа читателей. Главная причина здесь, конечно, – обнищание читающей России, неспособность купить книгу и подписаться на журнал. Вторая причина – общее состояние угнетённости от извержения “отравляющих веществ” под видом новых ценностей, состояние, при котором о чём-либо ещё, кроме спасения, думать трудно. И третья причина – что предлагает книжный рынок. Не всякий читатель искущён в писательских именах. Вот он идёт в библиотеку... В любой библиотеке вам скажут, что читают по-прежнему немало... Но все поступления последних лет – “смердяковщина”, американская и отечественная, и для детей – американские комиксы. Раньше в нашей словесности смердяковы могли быть литературными героями, но не авторами.

На мой взгляд, девять из десяти сегодняшних книг можно отложить без урона для себя. Не принимаю я сегодняшнего торжества зла, духовредительства, которые навязывают нынешние представители писательского цеха. На мой взгляд, герой нашего времени – тот, кто выстоял, остался при себе.

Читатель правильно делает, когда от греха подальше обращается к классике. А нас читать снова станут лишь тогда, когда мы предложим книги такой любви и спасительной веры в Россию, что их нельзя будет не читать.

И. Ш.: А изменения самого читателя?

В. Р.: За короткий исторический миг число читателей сократилось чуть ли не в тысячу раз. Не считать же, право, за читателей глотателей душещипательных пустот, от которых сегодня пухнет книжный рынок. Это наркотические таблетки в книжной обёртке. Мне кажется, что сегодняшнее вызывающее бесстыдство литературы пройдёт, как только читатель потребует к себе уважения. Вернуться к настоящему сейчас – наитруднейшее дело. Может, настолько трудное, что если и можно его с чем-то сравнить, так только с тем, что нам пришлось преодолеть в Великой Отечественной войне. И может, легче было победить фашистов, чем врага, который внутри нас самих.

И. Ш.: Валентин Григорьевич, самый важный вопрос – о сегодняшнем состоянии нашего народа.

В. Р.: Жив народ. Его долготерпение не надо принимать за его отсутствие. В нём вся наша мудрость. И народ не хочет больше ошибаться.

Это начало начал – власть национального доверия. Россия, свалившись в заготовленную для неё яму, ушиблась жестоко, переломала кости, в её теле травма на травме, но не убилась, поднять её можно. Антинародная политика властей того времени привела к тому, что не только стали растаскивать государственные богатства, но и принялись уходить из государства люди, притом в массовом порядке. Я имею в виду не эмиграцию в Америку или Израиль, а устраниение от своих обязанностей по отношению к государству, то есть эмиграцию внутреннюю. В избирательных списках эти люди присутствуют, но из агонизирующего государственного организма они вышли и живут

только своими интересами, занятые собственным спасением. Это граждане автономного существования, сбитые в небольшие группы, сами себя защищающие, сами себя поддерживающие материально и духовно, как старообрядцы в прежние времена, не желающие мириться с чужебием нового образа жизни. Если бы удалось вернуть их на государственную службу, — а для этого надо, чтобы власть признала и сказала им, что России без них нет, — когда они убедятся, что положение меняется и государством управляют патриоты, то не смогут не влиться в самую деятельную и здоровую силу. Народ силён подъёмным, восходительным настроением, появившейся перед ним благородной целью.

А национальная униженность — это ведь не только предательство национальных интересов в политике и экономике и не только поношение русского имени с экранов телевидения и со страниц журналов и газет, но и вся обстановка, в том числе бытовая, в которой властвует, с одной стороны, презрение, с другой, уже с нашей, — забвение. Это и издевательство над народными обычаями, и осквернение святынь, и чужие фасоны ума и одежды, и вывески, объявления на чужом языке, и вытеснение отечественного искусства западным ширпотребом самого низкого пошиба, и оголтелая (вот уж к месту слово!) порнография, и чужие нравы, чужие манеры, чужие подметки — всё чужое, будто ничего у нас своего не было. Русский человек оказался в изоляции от своих учителей, его сознание и душу развращают и убивают вот уже более двадцати лет, но чутьё-то, чутьё-то, если не разумный взгляд!.. У нас в крови это всегда было — издали распознавать злодейство.

Последний век явился для России веком трагическим, страшным. Никакой другой народ тех ломок, потерь, напряжений, какие достались народу нашему, не выдержал бы, я уверен. Ни времена татарского ига, ни “смута” XVII века ни в какое сравнение с лихолетьем России в XX веке идти не могут. Страшнее внешних ломок и утрат оказалась внутренняя переориентация человека — в вере, идеалах, нравственном, духовном прямостоянии. В прежние тяжёлые времена это прямостояние не менялось. Не менялось оно и в поверженных во Второй мировой войне Германии и Японии, что значительно облегчило им возвращение в число развитых стран, а ущемлённое национальное чувство — ущемлённое, а не проклятое и не вытраваемое — стало в этих странах возбудителем энергии.

Исключительно страшен психический надлом от погружения России в противоестественные, мерзостные условия, обесценивание и обесцеливание человека, опустошение, невозможность дышать смрадным воздухом. Вымирающая Россия — отсюда, от этого выброса без спасательных средств в совершенно иную, убийственную для нормального человека атмосферу. Здесь причины эпидемии самоубийств, бездомности, кочевничества, пьянства, болезней и тихих нераскрытых смертей — от ничего, под тоскливый вой души.

Да и что такое сегодня народ? Никак не могу согласиться с тем, что за народ принимают всё население или всего лишь престонародье. Он — коренная порода нации, рудное тело, несущее в себе главные задатки, основные ценности, вручённые нации при рождении. А руда редко выходит на поверхность, она сама себя хранит до определённого часа, в который и способна взбуриться, словно под давлением формировавших её веков.

Достоевским замечено: “Не люби ты меня, а полюби ты моё”, — вот что вам скажет народ, если захочет удостовериться в искренности вашей любви к нему. Вот эта жизнь в “своём”, эта невидимая крепость, эта духовная и нравственная “утварь” национального бытия и есть мерило народа. Народ в сравнении с населением, быть может, невелик числом, но это отборная гвардия, в решительные часы способная увлечь за собой многих. Всё, что могло купиться на доллары и обещания, — купилось; всё, что могло предавать, — предало; всё, что могло согласиться на красиво-унизительную и удало-развратительную жизнь, — согласилось; всё, что могло пресмыкаться, — пресмыкается. Осталось то, что от России не оторвать и что Россию ни за какие пряники не отдаст.

Специалисты считают, что с той экономикой, которая у нас осталась, Россия уже не должна жить, и если она худо-бедно живёт, то только за счёт того, что проматывает наследство предыдущих поколений и расхищает наследство, которое необходимо оставить поколениям будущим. Россию обдирают как липку и свои, и чужие — и конца этому не видно. Для Запада “разработ-

ка” России — это дар небес, неслыханное везение, Запад теперь может поддерживать свой высокий уровень жизни ещё несколько десятилетий. Ну, а “домашние” воры, полчищами народившиеся из каких-то загадочных личинок, тащат буквально всё, до чего дотягиваются руки, и тащить за кусок хлеба им помогают все слои населения.

Национальную идею искать не надо, она лежит на виду. Это правительство наших, а не чужих национальных интересов, восстановление и защита традиционных ценностей, изгнание в шею всех, кто развращает и дурачит народ, опора на русское имя, которое таит в себе огромную, сейчас отвергаемую силу, одинаковое государственное тягло для всех субъектов Федерации. Это покончить с обезьяньим подражателем чужому образу жизни, остановить нашествие иноземной уродливой “культуры”, создать порядок, который бы шёл по направлению нашего исторического и духовного строения, а не коверкал его. Прав был Михаил Меньшиков, предреволюционный публицист, предупреждавший, что никогда у нас не будет свободы, пока нет национальной силы. К этому можно добавить, что никогда народ не будет доверять государству, пока им управляют изворотливые и наглые чужаки!

От этих истин стараются уйти — вот в чём суть “идейных” поисков. Политические шулеры всё делают для того, чтобы коренную национальную идею, охранительную для народа, подменить чужой национальной или выхолостить нашу до безнациональной буквы.

И. Ш.: Как Вы понимаете подлинный патриотизм?

В. Р.: Мне не однажды приходилось говорить о патриотизме. Напомню сейчас, что патриотизм — не только постоянное ощущение неизбывной и кровной связи со своей землёй, но прежде всего долг перед нею, радение за её духовное, моральное и физическое благополучие, сверение, как сверяют часы, своего сердца с её страданиями и радостями. Человек в Родине словно в огромной семейной раме, где предки взыскивают за жизнь и поступки потомков и где крупно начертаны заповеди рода. Без Родины он духовный оборвыш, любым ветром может его подхватить и понести в любую сторону. Вот почему безродство старается весь мир сделать подобным себе, чтобы им легче было управлять с помощью денег, оружия и лжи. Знаете, больше скажу: человек, имеющий в сердце своёю Родину, не запутается, не опустится, не озвереет, ибо она найдёт способ, как наставить на путь истинный и помочь. Она и силу, и веру даст.

Мы, к сожалению, неверно понимаем воспитание патриотизма, принимая его иной раз за идеологическую приставку. От речей на политическом митинге, даже самых правильных, это чувство не может быть прочным, а вот от народной песни, от Пушкина и Тютчева, Достоевского и Шмелёва и в засушенной душе способны появиться благодатно-благодарные ростки.

Родина прежде всего духовная земля, в которой соединяются прошлое и будущее твоего народа, а уж потом “территория”. Слишком многое в этом звуке!.. Есть у человека Родина — он любит и защищает всё доброе и слабое на свете, нет — всё ненавидит и всё готов разрушить. Это нравственная и духовная скрепляющая, смысл жизни, от рождения и до смерти согревающее нас тепло.

Для меня Родина — это прежде всего Ангара, Иркутск, Байкал. Но это и Москва, которую никому отдавать нельзя. Москва собирала Россию. Нельзя представить Родину без Троице-Сергиевой Лавры, Оптиной пустыни, Валаама, без поля Куликова и Бородинского поля, без многочисленных полей Великой Отечественной... Родина больше нас. Сильнее нас. Добрее нас. Сегодня её судьба вручена нам — будем же её достойны.

И. Ш.: Валентин Григорьевич, Вы были инициатором и активным участником уже много лет проводимых в Иркутске “Дней русской духовности и культуры “Сияние России”. В прошлом году, благодаря Вашему приглашению, мне тоже посчастливилось принять в них участие. К нашему стыду, мы, жители центральной части России, не так хорошо знаем сибирский край. Мне показалось, что участие в таких праздниках затрагивает писательское воображение, побуждает взяться за перо. Мне эти “Дни...” помогли реализовать давний замысел, книгу “Таков Дальний” — о судьбе Сибири и Дальнего Востока от времён Хабарова до наших дней.

В. Р.: Значит, наши труды не пропали даром. У нас в России много талантливых писателей, которым нужно помогать и поддерживать их творческие

порывы. Я знаком с Вашими книгами, начиная со “Второй мировой Перезагрузки”. Уверен, “дальневосточная” книга будет не менее интересна.

И. Ш.: Каким Вы видите будущее России?

В. Р.: Кажется, нет никаких оснований для веры, но я верю, что Запад Россию не получит. Всех патриотов в гроб не загнать, их становится всё больше. А если бы и загнали – гробы поднялись бы стоямя и двинулись на защиту своей земли. Такого ещё не бывало, но может быть.

Я верю – мы останемся самостоятельной страной, независимой, живущей своими порядками, которым тысяча лет. Однако лёгкой жизни у России не будет никогда. Наши богатства – слишком лакомый кусок...

И. Ш.: А что Вы скажете о новом поколении?

В. Р.: У меня впечатление, что молодёжь-то как раз не “вышла” из России. Вопреки всему, что на неё обрушилось. Из чего я делаю эти выводы? Из встреч с молодёжью в студенческих и школьных аудиториях, из разговоров с ними, из наблюдений, из того, что молодые пошли в храмы, что в вузы опять конкурсы – и не только от лукавого желания избежать армии, что всё заметней они в библиотеках. Знаете, кто больше всего потребляет “грязную” литературу и прилипает к “грязным” экранам? Люди, близкие к среднему возрасту, которым от тридцати до сорока. Они почему-то не умеют отстоять свою личность. А более молодые принимают национальный позор России ближе к сердцу, в них пока нетвёрдо, интуитивно, но всё-таки выговаривается чувство любви к своему многострадальному Отечеству.

Молодёжь теперь совсем иная, чем были мы, – более шумная, открытая, энергичная, с жадной шире познать мир, и эту инакость мы принимаем порой за чуждость. Нет, она чувствительна к несправедливости, а этого добра у нас – за глаза, что, возможно, воспитывает её лучше патриотических лекций. Она не может не видеть, до каких мерзостей доходят “воспитатели” из телевидения, и они помогают ей осознать своё место в жизни. Молодые не взяли на себя общественной роли, как во многих странах мира в период общественных потрясений, но это и хорошо, что студенчество не поддалось на провокацию, когда вокруг него вилась армия агитаторов за “свободу”.

Ещё раз повторю: сбитых с толку и отравленных, отъятых от родного духа немало. Даже много. Но немало и спасшихся и спасающихся, причём самостоятельно, почти без всякой нашей поддержки. Должно быть, при поддержке прежних поколений, прославивших Россию. И я по мере сил буду взывать к тому светлому и чистому, что упрятано в нас, россиянах.